Содержание

Предисловие 6

Часть I. Книгоиздание

Глава 1. Правила игры 24

Глава 2. Парижский ландшафт 75

Глава 3. «Урожайная дуга» 96

Часть II. Книжное пиратство

Глава 4. Как выпустить пиратское издание 138

Глава 5. Портреты пиратов 155

Фредерик-Самюэль Остервальд и Абрахам Боссе де Люз 155

Жан-Пьер Беранже и Ханс Петер Хойбах 166

Жан-Абрахам Нуффер 181

Глава 6. Подпольная Женева 200

Жан-Самюэль Кайе 202

Пьер Галле 205

Габриэль Грассе 206

Жак-Бенжамен Терон 213

Приложение 226

Глава 7. Пиратская конфедерация 227

Глава 8. Сражения пиратов за Руссо и Вольтера 274

Часть III. Швейцарский издательский дом, вид изнутри

Глава 9. Бизнес как бизнес 318

Глава 10. Наш человек в Париже 361

Глава 11. Отношения с авторами 396

Глава 12. Делать деньги, терять деньги 437

Заключение 480

Благодарности 495

Указатель имен 497

Предисловие

В конце жизни, подводя итог многолетней борьбе с предрассудками, невежеством и несправедливостью, Вольтер писал: «Весь ведомый нам мир управляется книгами»[1]. Книги стали движущей силой Просвещения, хотя условия существования книжного дела при Старом порядке были — с современной точки зрения — совершенно невыносимыми: ни свободы прессы, ни копирайта, ни роялти и отчислений, ни ограниченной ответственности компаний. Авторы, за редкими исключениями, не могли прокормиться литературным трудом; банковская система только становилась на ноги, наличных денег остро не хватало, а бумажные купюры, чью стоимость гарантировало бы государство, еще не вошли в оборот. Как получилось, что, несмотря на все препятствия, книги смогли сделаться силой, с которой приходилось считаться?

Историческая загадка, если не знать, как работала книжная индустрия, и именно ей посвящено мое исследование[2]. Речь пойдет об издателях, их образе мыслей и о тех стратегиях, с помощью которых они превращали интеллектуальный капитал в коммерческую прибыль. Конечно, силу книг напрямую определяет их содержание: блестящий язвительный ум Вольтера, мучительная страстность

1. Вольтер использовал эту формулировку в статье «Книги» из «Вопросов к Энциклопедии» (1770); кроме того, она фигурирует в различных версиях его «Философского словаря». Я привожу ее по кельскому изданию: *Voltaire*. Œuvres complètes. [Kehl]: Société littéraire-typographique, 1785. T. XLV. P. 428.

2. Мое более раннее исследование «Литературный Тур де Франс: Мир книг накануне Французской революции» (2018; рус. пер. 2022) было сосредоточено на торговцах книгами и проблеме литературного спроса. Эта книга является его продолжением, но посвящена менее изученному предмету — издателям, чье сообщество оказалось столь богатым и сложным, что рассказ о нем потребовал отдельного тома.

Руссо и смелость мысленных экспериментов Дидро давно признаны в истории литературы. Но в ней часто не находится места тем посредникам, без которых сочинения этих авторов не дошли бы до читателя. В первую очередь издателям, чья деятельность равно принадлежит литературной, политической и экономической истории.

По мнению многих историков, издатель стал самостоятельной фигурой, отличной от книготорговца и типографа, лишь в первой половине XIX века[1]. На самом деле на излете Старого порядка представителей этой профессии было достаточно и во Франции, и во многих странах Западной Европы. Другое дело, что в концептуальном плане понятие «издатель» и связанный с ним комплекс идей (представление об интеллектуальной собственности, пиратстве и проч.) имели расплывчатые очертания.

В самом общем смысле «публиковать» — значит «делать публичным»[2], поэтому можно утверждать, что издатели

1. См.: Histoire de l'édition française. T. III: Le temps des éditeurs, du Romantisme à la Belle Époque (1830–1900) / Dir. par H.-J. Martin et R. Chartier. Paris: Promodis, 1985. P. 158–216 («Le temps des éditeurs»); *Haynes Chr.* Lost Illusions: The Politics of Publishing in Nineteenth-Century France. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010 (глава 1). В Англии термин «publisher» спорадически использовался с середины XVIII века, а функциональное отделение издателя от книготорговца произошло раньше, чем во Франции. См.: The Cambridge History of the Book in Britain. T. V: 1695–1830 / Ed. by M.F. Suarez and M.L. Turner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 326 (а также глава 19); *Feather J.* A History of British Publishing. London: Routledge, 1988 (глава 10). В германоязычной Европе термин «Verleger», по-видимому, использовался уже на ранних этапах развития книгопечатания, и в XVI веке вроде бы можно найти указания на то, что издателей отличали от торговцев книгами; см.: *Wittmann R.* Geschichte des deutschen Buchhandels. Ein Überblick. Munich: C.H. Beck, 1991. S. 35. Однако вплоть до середины XVIII века немецкая книжная индустрия оставалась тесно привязана к Франкфуртской и Лейпцигской ярмаркам и к практике обмена печатными листами. После разорения, произведенного Тридцатилетней войной (1618–1648), книжное производство смогло более или менее восстановиться только через столетие, а крупные издательские дома появились лишь в конце XIX века; см.: *Wittmann R.* Geschichte des deutschen Buchhandels, главы 3 и 9.

2. Согласно Оксфордскому словарю, публиковать (publish) — значит обнародовать, делать публичным и общеизвестным: «To make public [...]. To make publicly or generally known» (The Oxford English Dictionary / Second Edition. Oxford: Clarendon Press, 1989).

существовали с того момента, как началось распространение информации. Но термин «éditeur», то есть «издатель», вошел в широкий оборот лишь в XIX веке[1]. Хотя в профессиональной среде его начали использовать уже в 1770-е годы, общеупотребимым оставалось обозначение «libraire», то есть «книготорговец»[2]. В «Энциклопедии» Дидро слово «éditeur» фигурирует лишь в старом значении: так называют того, кто подготавливает рукопись к печати, то есть в нашем понимании не издателя, а редактора (то же различие есть в английской практике: издатель — «publisher», редактор — «editor»).

А вот давая определение «contrefaçon», то есть пиратству, «Энциклопедия» очевидно оказалась на спорной

1. В «Истории французского языка» Фердинан Брюно (совместно с Алексисом Франсуа) отмечал, что глагол «éditer» был впервые использован в 1784 году в «Совращенных поселянине и поселянке» Ретифа де ла Бретона, большого ценителя неологизмов (*Brunot F.* Histoire de la langue française des origines à 1900. T. VI: Le XVIIIe siècle, 2e partie: La langue postclassique. Paris: Arman Colin, 1966. P. 1143). «Большой Робер» в качестве первого случая использования этого глагола также указывает «1784, Ретиф», а современное употребление «éditeur» датирует концом XVIII века, хотя при этом цитирует письмо Вольтера 1775 года, где оно уже вроде бы присутствует: «Эти проклятые издатели [éditeurs] все хотят напечатать» (Le Grand Robert de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2001). Эмиль Литтре в своем «Словаре французского языка» указывает в качестве возможной даты первого использования «éditer» 1797 год, не уточняя, откуда в современной речи взялся «éditeur» (*Littré E.* Dictionnaire de la langue française. Paris: Hachette, 1883). «Словарь Французской академии» издания 1762 года дает «éditeur» почти современное определение, но не упоминает о его коммерческой функции: «Éditeur. Тот, кто берет на себя вычитку и публикацию чужого сочинения. [Пример:] Это сочинение вышло с прекрасным предисловием издателя [éditeur]» (Dictionnaire de l'Académie françoise / Quatrième édition. Paris: la Vve B. Brunet, 1762). Как мы убедимся в главе 6, найденные мной примеры показывают, что употребление «éditeur» в современном значении восходит к 1774 году, и, подозреваю, если поискать, то можно найти еще более ранние случаи.

2. Профессиональный справочник «Альманах книготорговли» за 1781 год порой проводит различие между «imprimeurs-libraires» (типографами-книготорговцами) и «libraires» (книготорговцами), но не использует термин «éditeur» (издатель). См.: *Perrin A.* Almanach de la librairie / Reprod. en fac-sim. de l'éd. de Paris: Moutard, 1781 / Préf. par Jeroom Vercruysse; table analytique par Jean-Marie Collins. Aubel, Belgique: P.M. Gason, 1984.

территории[1]. По ее утверждению, так называется перепечатка книги «в ущерб тому, кто владеет ею по праву собственности, полученному от автора, собственности публично заявленной и подтвержденной привилегией короля или равнозначной грамотой, скрепленной королевской печатью». Иначе говоря, пиратство было связано с проблемой интеллектуальной собственности. В этом вопросе создатели «Энциклопедии» разделяли точку зрения парижской гильдии книготорговцев: автор обладает таким же непререкаемым правом на собственное сочинение, как если бы речь шла о владении землей, а потому может полностью передать это право книготорговцу, который затем выставит опубликованное сочинение на продажу[2]. Получалось,

1. Термины, которыми в XVIII веке обычно обозначали пиратские издания, «contrefaçon», реже «contrefaction», имели двойное значение. Так могли называть точное воспроизведение оригинальных изданий (прямой аналог англ. «counterfeit», то есть «подделка»), но чаще их употребляли по отношению к любой незаконной (не обязательно точной) перепечатке издания, которое было защищено привилегией. Строго говоря, зарубежный репринт французского издания становился контрафактным лишь в том случае, если его продавали на территории Франции, однако на это различие мало кто обращал внимание. Кроме того, обозначение «contrefaçon» прилагалось и к перепечаткам текстов, на которые никто (включая автора) прав не предъявлял, поскольку это были запрещенные сочинения. Неавторизованные дополненные переиздания считались пиратскими в том случае, если количество новых материалов не достигало 25% от общего объема, как того требовали королевские эдикты. Я называю «контрафактными» или «пиратскими» все неавторизованные перепечатки, вне зависимости от наличия у оригинального издания привилегии.

2. В «Письме о книжной торговле» (1763) Дидро утверждал, что абсолютное право собственности на текст, проданный автором книготорговцу, существует повсюду, включая Англию, где «никто не делает различия между покупкой поля или дома и покупкой рукописи. Тем более что различия и вправду нет, а ежели и есть, то лишь в пользу приобретателя рукописи» (*Дидро Д.* Письмо о книжной торговле / Пер. с фр. М. Лепилова. М.: Grundisse, 2017. С. 80; сравнение прав издателя с собственностью на землю и другое недвижимое имущество также см. на с. 59). Идею, что землевладение является примером естественного права собственности, разрабатывал Локк и использовали английские юристы, отстаивавшие концепцию неограниченного копирайта. После многочисленных разбирательств в 1774 году эта интерпретация была отвергнута палатой лордов при рассмотрении дела Дональдсона против Беккета. См.: *Rose M.* Authors and Owners: The Invention of copyright. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. Я вернусь к подробному обсуждению этой проблемы в главе 1.

что выданная книге привилегия как бы подтверждала уже существовавшую правовую реальность, то есть была проявлением справедливости, а не воли короля (власть с этим, конечно, не соглашалась). В статье «Энциклопедии», посвященной глаголу «contrefaire» (подделывать), опять-таки присутствует идея непререкаемого права собственности, но при обсуждении деятельности пиратов это право, по-видимому, ставится под сомнение:

> Помимо наказаний, такая незаконная коммерция навлекает настоящее бесчестье, ибо рвет самые почтенные узы общества — деловое доверие и добросовестность. Впрочем, наказания и бесчестье возможны только между подданными одного государя, ибо между двумя иностранцами обычай как бы узаконил эту несправедливость[1].

Если пиратство навлекает бесчестье, это значит, что речь идет не о нормативных стандартах, а об общественных конвенциях. И хотя такая деятельность нарушает общечеловеческие принципы справедливости, она «как бы» законна за пределами юрисдикции того государства, где была осуществлена оригинальная публикация. Как мы видим, новаторская, еще не устоявшаяся концепция интеллектуальной собственности была чревата противоречиями и непоследовательностью, а потому не могла служить эффективным оружием против пиратства.

В 1797 году к запутанной проблеме авторских прав обращается Кант. Четырьмя годами ранее он опубликовал знаменитое эссе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Теперь в «Метафизике нравов» он задается по сути смежным вопросом: «Что такое книга?» Ответ на него был напрямую связан с проблемой пиратства. Кант не считал, что написание книги есть создание собственности. Для него сочинение — это выражение мыслей автора, свободно высказанных им в письменной форме. Когда автор предоставляет издателю-книготорговцу полномочие

1. Статья «contrefaire» принадлежит д'Аламберу; «contrefaçon» не подписана, но, по-видимому, его же. (*Прим. пер.*)

(mandatum) на распространение сочиненной им книги, то последний выступает не в качестве собственника, а в качестве агента, которому автор доверяет действовать от его лица. Пират — неправомерный издатель, он же перепечатчик — игнорирует такое делегирование полномочий. Он похищает у правомерного издателя выгоду, совершая то, что «по закону запрещено», но не нарушая естественного права собственности[1]. Хотя кантовская точка зрения не повлияла на дебаты по поводу копирайта, она свидетельствует о том, насколько неоднозначным было представление о книге в условиях, когда пираты играли ведущую роль в циркуляции идей.

Пираты не занимались философией и вряд ли читали Канта, но концепция книги как формы выражения мыслей, а не формы собственности им не была чужда, поскольку из нее следовало, что, умножая количество изданий, они способствуют обращению идей, а распространяя труды философов — поддерживают Просвещение. Именно так рассуждал Фортунато Бартоломео де Феличе, сторонник Просвещения и пират, печатавший контрафактные издания в Ивердоне (Швейцария):

> Но я смотрю на книги с более благородной точки зрения [чем те, кто видит в них лишь товар], поскольку считаю, что хорошие книги принадлежат не столько книготорговцам, сколько человечеству, которое нуждается в просвещении

1. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. IV. Ч. 2. С. 206. Первоначальный вариант этой работы был опубликован в том же «Берлинском ежемесячном журнале», где вышел «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Вот как Кант определяет книгу и ее создателей: «Книга — это сочинение (здесь безразлично, написано ли оно пером или напечатано, много в нем страниц или мало), представляющее речь, обращенную кем-то к публике в зримых знаках языка. Тот, кто обращается к публике от своего собственного имени, называется сочинителем (autor). Тот, кто в сочинении публично выступает от имени другого лица (автора), есть издатель [Verleger]» (Там же. С. 205–206; оригинал: *Kant I.* Die Metaphysik der Sitten // Kant I. Werke in sechs Bänden. Bd. IV. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. S. 404). См. также: *Laursen J.Ch.* Kant, Freedom of the Press, and Book Piracy // Kant's Political Theory: Interpretations and Applications / Ed. by E. Ellis. Philadelphia: Pennsylvania State University Press, 2012.

> и в наставлении в добродетели… Книготорговец или печатник, который при помощи контрафакта быстрее и больше распространяет хорошие книги, заслуживает благодарности человечества[1].

Все знали, что признаваемое на территории того или иного государства право на литературную собственность не действует за его пределами, но оставалось непонятным, как с этим бороться. В 1748 году во время дипломатических консультаций по заключению Второго Ахенского мира было предложено запретить контрафактные издания на международном уровне и тем самым решить проблему пиратства[2]. Однако дело закончилось ничем, что объяснялось не только отсутствием общего соглашения по копирайту. В Европе раннего Нового времени еще не были четко определены такие понятия, как «книга», «авторство», «издательская деятельность», «пиратство»; их смысловое наполнение оставалось расплывчатым.

Концептуальная неустойчивость отнюдь не препятствовала тому, чтобы рядом с законной книжной индустрией возник огромный пиратский промысел. Наоборот, пока правомерные издатели выпускали продукцию высокого качества для немногочисленной богатой элиты, пираты процветали за счет массового сегмента рынка, поскольку растущая читательская публика испытывала потребность в недорогих изданиях. Эти два публикационных режима во многом связаны с конфликтом между парижскими и провинциальными книготорговцами. Уже к концу XVII века централизаторская политика государства привела к тому, что доминирующее положение в книжной индустрии заняла парижская гильдия книготорговцев и печатников. Ее члены

1. Цит. по: *Perret J.-P.* Les imprimeries d'Yverdon aux XVIIe et XVIIIe siècle. Lausanne: F. Roth, 1945. P. 205. Положительную оценку роли пиратства в германоязычной Европе см.: *Wittmann R.* Der gerechtfertigte Nachdrucker? Nachdruck und literarisches Leben im achtzehnten Jahrhundert // *Wittmann R.* Buchmarkt und Lektüre im 18. und 19. Jahrhundert: Beiträge zum literarischen Leben 1750–1880. Tübingen: Niemeyer, 1982.
2. *Vliet R. van.* Elie Luzac (1721–1796) Bookseller of the Enlightenment. Enschede, Neth.: AFdH Publishers, 2014. P. 43.

монополизировали книжные привилегии (функциональный эквивалент копирайта; объяснение этого и других терминов см. ниже в разделе «Техническое примечание: терминология, институты и практики») и едва не удушили издательскую деятельность в провинциях, где могли выходить только книги определенных видов — сочинения местных авторов, богослужебные и народные книги. К 1777 году государство провело ряд малоэффективных реформ, в которых чувствовалось желание поддержать провинциальных издателей и книготорговцев. Однако это не прибавило любви к парижанам со стороны провинциальных книготорговцев, которые на протяжении XVIII века все больше полагались на поставки от издательств, печатавших французские книги за пределами Франции. От Амстердама до Брюсселя, через Рейнскую область и Швейцарию вплоть до Авиньона (тогда находившегося во владении папы римского), по всей этой стратегически важной территории, которую я для краткости называю «Урожайной дугой», издатели были готовы перепечатывать любые сочинения, если их можно было хотя бы с минимальной выгодой продать во Франции.

Вдобавок заграничные издательства брались публиковать все то, что не могло прорваться сквозь французскую цензуру. За единичными исключениями (в том числе «Энциклопедии») ими была напечатана основная масса сочинений французских просветителей, которые затем контрабандой доставлялись во Францию и расходились по сети подпольной торговли, покрывавшей все королевство. Просвещение стремилось к распространению света разума, то есть являлось кампанией по пропаганде идей, а не только по их словесному выражению. Французские сочинения, печатавшиеся в типографиях за пределами Франции, были буквальным воплощением Просвещения: преодолевая границы, они придавали его идеям ту всепроникающую силу, которая ощущалась даже при Старом порядке. Однако сочинения философов составляли лишь небольшую часть книжного рынка. Пиратская продукция была существенно дешевле тех книг, которые законно издавались

в Париже, что объяснялось более низкой стоимостью бумаги и труда рабочих, равно как и отсутствием необходимости платить авторам. В результате между заграничными издателями и провинциальными книготорговцами возник естественный альянс, эффективность которого была крайне высока. Пираты осуществили по меньшей мере половину коммерческих публикаций (без учета народных книг, благочестивой литературы и летучих листков), достигших французских прилавков между 1750 и 1789 годами. Документально подтвердить эту оценку я не могу, но она основана на многолетнем исследовании обширного корпуса сохранившихся материалов. В любом случае вряд ли кто-то усомнится в важности изучения индустрии книжного пиратства, которая интересна и сама по себе (тем более что о ней не так много известно) и в качестве иллюстрации процесса выхода литературы на широкую аудиторию.

Итак, книжное пиратство — явление отнюдь не периферийное; напротив, оно заслуживает центрального места в социокультурной истории[1]. К 1750 году эта индустрия достигла такого размаха, что начала разрушать традиционные для Франции режимы публикации. Издатели-пираты действовали вне законодательного поля, по крайней мере французского. Случалось, что книготорговцы Лиона, Руана и ряда других провинциальных центров тайком печатали и продавали собственные пиратские издания, но в основном контрафакт им поставляли многочисленные издательства, расположенные за пределами Франции. Последние иногда попадали в немилость у местных властей, которые, обнаружив атеистические или подстрекательские памфлеты, могли действовать не менее жестко, чем французское правительство, даже если крамольная продукция шла исключительно на экспорт. Но в целом пиратство было

1. О книжном пиратстве в целом см.: Les Presses grises: la contrefaçon du livre, XVIe–XIXe siècles / Textes réunis par François Moureau. Paris: Aux Amateurs de Livres, 1988 (в основном о Франции); *Johns A.* The Intellectual Property Wars from Gutenberg to Gates. Chicago: University of Chicago Press, 2009 (в основном о Британии и Соединенных Штатах); *Wittmann R.* Buchmarkt und Lektüre im 18. und 19. Jahrhundert (см. главу 3, где идет речь о Германии и Австрии).

экономически выгодно для таких независимых городов, княжеств и автономных муниципалитетов, как Женева, Невшатель, Буйон, Маастрихт и Амстердам, а потому пользовалось покровительством местных властей. К тому же, в отсутствие международной системы копирайта, перепечатка французских книг за пределами Франции не считалась противозаконной.

Как правило, издатели «Урожайной дуги» не испытывали особенного давления, помимо давления рынка, и были готовы пойти ва-банк, лишь бы удовлетворить читательский спрос. По сравнению с ними парижские издатели, жившие на доход от привилегий, кажутся сущими рантье. Конечно, были парижане, которые активно участвовали в рискованных издательских схемах, а среди зарубежных издателей встречались те, кто обходил стороной наиболее опасные секторы индустрии. Но в целом книжным пиратам был свойствен дух смелого предпринимательства. Хотя зачастую они вели вполне добропорядочный образ жизни и пользовались уважением в своих родных местах, их беззастенчивая погоня за прибылью соответствует тому, что Макс Вебер назвал «авантюристическим» или «грабительским» капитализмом[1]. Характер этого явления не до конца ясен, поскольку детальному изучению его механизма препятствует скудость источников. Однако, притом что эта книга посвящена внутренней кухне книжного пиратства, моей путеводной звездой был не только Вебер, но и Бальзак, вернее, его «Утраченные иллюзии», где запечатлена отчаянная погоня за престижем и прибылью профессионального книжного сообщества начала XIX века. В эпоху Просвещения эта среда, состоявшая из авторов, издателей и книготорговцев, была ничуть не менее яркой, и жизненные перипетии ее членов заслуживают внимания не только ради более глубокого понимания культуры XVIII столетия, но сами по себе, как части полотна человеческой комедии Старого порядка.

1. From Max Weber: Essays in sociology / Ed. by H.H. Gerth, & C. Mills. Oxford: Oxford university press, 1958. P. 66–67; *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 53.

В центре моего исследования — книжная индустрия Франции и прилегающих к ней регионов; я лишь изредка обращаюсь к опыту Англии и Германии, где те же проблемы решались иными способами[1]. Начальные главы посвящены краткому очерку истории парижской книгопечати и книготорговли, формирование которых не сводилось к государственному управлению и корпоративизму. Обе профессиональные сферы обладали сложным устройством, в особенности с учетом человеческого фактора, что в высшей степени актуально в случае пиратов, которые могли в одной среде считаться патрициями, а в других — бандитами. Об их личных и деловых биографиях, восстанавливаемых по множественным рукописным источникам, рассказывается в следующих главах. Поскольку пути многих персонажей часто пересекались, это позволяет проследить, как формировались коммуникационные сети, и выявить общие закономерности работы системы производства и распространения книг.

Последние главы посвящены деятельности одного издательства, Типографического общества Невшателя [Société typographique de Neuchâtel]: его архив — единственное в своем роде собрание документов XVIII века, которое сохранилось почти полностью и достаточно обширно (около 50 тысяч писем), чтобы по нему можно было судить о внутреннем

1. Систематическое сравнение данных могло бы многое прояснить, но, к сожалению, мне не удалось сделать его частью настоящего исследования или последовать собственным давним рекомендациям (см.: *Darnton R.* Histoire du livre — Geschichte des Buchwesens: An Agenda for Comparative History // Publishing History. 1987. № 22. P. 33–41). Мои представления об истории книги в Британии во многом опираются на фундаментальный труд: The Cambridge History of the Book in Britain / Ed. by J. Barnard, D.F. McKenzie, M.F. Suarez and M.L. Turner. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 2009. T. IV, V (период с 1557 по 1830 год). В случае Германии я полагался на классическое исследование: *Goldfriedrich J.* Geschichte des deutschen Buchhandels. Bd. 2–4. Leipzig: Börsenvereins der deutschen Buchhändler, 1886–1923, и на работы Райнхарда Виттманна, в особенности: *Wittmann R.* Geschichte des deutschen Buchhandels. Ein Überblick; *Id.* Buchmarkt und Lektüre im 18. und 19. Jahrhundert. В том, что касается Франции, лучшим обзором остается: Histoire de l'édition française. T. II: Le Livre triomphant, 1660–1830 / Éd. par R. Chartier, H.-J. Martin. Paris: Promodis, 1984.

функционировании пиратского книгоиздания и в целом о работе книжной индустрии. Конечно, это источник со специфическим уклоном, что я старался учитывать. К счастью для нас, многие персонажи с примечательными досье в Невшателе оставили свой след в архиве Бастилии, бумагах парижской гильдии, отчетах парижской полиции, документах о банкротствах и других государственных архивных фондах Франции.

С этими материалами я работал более полувека и надеюсь, что мне удалось отдать должное их богатству. Этот труд — итог моего исследования, в котором я попытался показать глубину предмета, не претендуя на то, чтобы его исчерпать, потому что история всегда остается бездонной.

Техническое примечание: терминология, институты и практики

Если есть слово, лучше всего отражающее разнообразие и сложность социального устройства Франции при Старом порядке, то это «привилегия». Оно происходит от латинского термина «privilegium», то есть «личное право», и обозначает исключительные права отдельного человека или группы людей, которых лишены все прочие. Хотя привилегированными именовались благородное и духовное сословия, исключительными правами обладали отнюдь не только они. Система привилегий охватывала практически все общество, включая ремесленные гильдии и крестьянские общины из земель, освобожденных от налога на соль [Pays de franc-salé]. Обществу Старого порядка была чужда концепция всеобщего права, перед которым все равны; оно имело иерархическую структуру и воспринимало неравенство как естественное положение вещей, идущее от Бога. Просветители, в первую очередь Руссо, опротестовывали законность привилегий, с которыми затем покончила революция 1798 года. Но строительным материалом для институтов той системы, которую революционеры позднее определили как «порядок», служили именно привилегии.

В книжной индустрии привилегии были трех видов. Прежде всего, они появлялись в публикациях, принадлежащих к легальному сектору. Выдавали их от имени короля, о чем сообщалось на титульной странице книги, а в ее начале (или в конце) печатался полный текст привилегии. Для того чтобы получить такую привилегию, автор — а чаще всего издатель, приобретший у него рукопись, — должен был предоставить сочинение главе Дирекции книготорговли, который передавал его цензору. Если цензор не находил ничего предосудительного, то сообщал об этом директору, который в свою очередь давал одобрение и переправлял досье в королевскую канцелярию хранителю печатей. После прохождения этого этапа книге выдавалась королевская *привилегия* [privilège]: в точном смысле слова это было распоряжение короля, обращенное к должностным лицам и заканчивавшееся стандартной фразой «ибо такова наша воля». Для вступления в законную силу *привилегия* должна была быть зарегистрирована, то есть скопирована в регистр парижской гильдии книготорговцев. В результате держатель *привилегии* приобретал исключительные права выпускать и продавать указанную в ней книгу, как правило, в течение нескольких лет. Однако срок этот мог быть увеличен за счет так называемых «продлений» [continuations], и книготорговцы нередко утверждали, что их права не имеют срока давности.

Действительно, торговцы воспринимали *привилегии* как разновидность собственности, продавая ее доли и передавая по наследству, как если бы это был материальный объект. Однако власти настаивали, что *привилегия* есть милость короля, а потому по его воле может быть ограничена или прекращена. Такая концептуализация *привилегии* была далека от идеи копирайта. Даже с учетом того, что первый закон о копирайте, Статут королевы Анны, принятый английским парламентом в 1710 году, на протяжении всего XVIII столетия оспаривался в судах, по сравнению с французскими эдиктами о *привилегиях* он принадлежал к другому концептуальному порядку, равно как и принятый в Дании первый континентальный закон о копирайте

1741 года. Для того чтобы подчеркнуть особый характер французской книжной *привилегии* и не путать специфическое значение этого термина с обычным словоупотреблением, я буду выделять его курсивом.

Второй вид привилегии был связан с самими книготорговцами, поскольку они принадлежали к привилегированной профессии. В соответствии с королевскими указами, чтобы заниматься своим ремеслом, они должны были пройти период ученичества, выполнить целый ряд требований, выдержать экзамен, получить статус мастера и стать членами гильдии. Такая система почти не допускала исключений: небольшому количеству книгонош позволялось торговать книгами вразнос; власти сквозь пальцы смотрели на мелких торговцев-букинистов [bouquinistes], устанавливавших свои прилавки в местах, защищенных собственными привилегиями [lieux privilègiés], — скажем, в парижском Пале-Рояле. Кроме того, некоторые провинциальные книготорговцы могли приобрести особый патент, называвшийся «brevets de libraire». Но в принципе законно торговать книгами могли лишь члены гильдии в статусе мастера. В 1781 году в парижской гильдии состояло 148 мастеров-книготорговцев и печатников, из них 36 вдов, к которым статус мастера перешел после смерти мужа. Обычно это были крепкие и поднаторевшие в бизнесе женщины.

Третий вид привилегий имел корпоративный характер. Гильдии не только обладали исключительными правами на занятие книготорговлей, но были освобождены от уплаты части налогов и управляли своими делами при помощи выборных уполномоченных, синдиков [syndics] и адъюнктов [adjoints], и общих собраний, что было свойственно и другим корпорациям. Кроме того, они были наделены рядом полицейских функций, в том числе имели право на досмотр ввозимых книг, книжных лавок и типографий. Всем этим занимался управляющий совет гильдии, именовавшийся синдикальной палатой [chambre syndicale]; такое же название носило помещение, где происходили досмотр книг и другие деловые операции. В 1777 году власть

учредила 20 синдикальных палат, каждая из которых имела собственную юрисдикцию; в совокупности они покрывали всю территорию Франции. Как показано в главах 1 и 2, парижская гильдия, или Общество книготорговцев и печатников Парижа, подмяла под себя книжную торговлю по всей стране и часто входила в столкновение с провинциальными гильдиями. Для краткости и чтобы отличать ее от других, в дальнейшем я буду именовать ее Гильдией (с прописной буквы).

Вся книготорговля находилась в ведении особого подразделения королевской канцелярии, носившей название Дирекции книготорговли (Direction de la librairie; далее — Дирекция). В числе ее функций были цензура, выдача привилегий, надзор за деятельностью синдикальных палат и разрешение конфликтов внутри индустрии. Кроме того, Дирекция сотрудничала с книжными инспекторами, приписанными к городской полиции. Одной из главных ее обязанностей было искоренение торговли пиратскими изданиями, тогда чаще всего именовавшимися «контрафактными» [contrefaçons]. Но штат Дирекции был укомплектован недостаточно, и ее чиновники порой имели смутное представление о том, что происходит за пределами Парижа.

Сотрудничество Дирекции с полицией было обусловлено попытками воспрепятствовать циркуляции запрещенных книг, оскорблявших религию, государство, нравственность или высокопоставленных особ. На профессиональном языке издателей и книготорговцев они именовались «философскими книгами» [livres philosophiques], хотя полиция обычно называла их «дурными книгами» [mauvais livres], а по временам — «каштанами» [marrons]. Эти обозначения будут сохранены в тексте и в цитатах, чтобы подчеркнуть свойственные той эпохе практики, и также выделены курсивом. Я старался минимизировать присутствие французского языка, поэтому все цитаты даются в переводе. Их оригиналы, некоторые в более полном виде, равно как и более подробное описание ряда технических аспектов книжной индустрии, можно найти во французском варианте этой

книги, вышедшем в переводе Жана-Франсуа Сенэ в издательстве «Галлимар».

Один технический аспект стоит упомянуть сразу: это практиковавшаяся издателями меновая торговля. Закончив печать тиража, они нередко обменивали значительную его часть, иногда доходившую до половины, на равное по стоимости количество книг из ассортимента дружественного издательского дома. Обмен снижал риск того, что тираж напечатанного издания останется нераспроданным, одновременно расширяя ассортимент. Счет меновым сделкам, как правило, велся в типографских листах [feuilles] и записывался в особый табель. Лист был базовой единицей, с помощью которой издатели производили расчет стоимости производства и прибыли. Оптовые партии книг отправлялись к заказчикам в виде стопок непереплетенных листов, упакованных в тюки; переплетали их либо розничные продавцы, либо сами покупатели.

Наконец, важно отчетливо понимать, какова была стоимость денег при Старом порядке и как они работали (этому посвящена последняя глава книги). Рабочий люд имел дело с медными деньгами — оболами и лиардами. Среди коммерсантов для ведения бизнеса использовались «расчетные деньги» [monnaie de compte] — ливры, су и денье. Су равнялось 12 денье, а ливр — 20 су. Реальная стоимость денег может быть подсчитана разными способами. Так, несмотря на колебание цен, обычный четырехфунтовый каравай — основная пища трудящихся людей — как правило, стоил 8 су. Квалифицированный мастеровой зарабатывал в день 30–50 су, полуквалифицированный — 20 су, а нищий чернорабочий — иногда не более 10 су. Стоимость книг сильно варьировалась, но во многих случаях 200-страничный том ин-октаво[1] обходился в 30 су. Книготорговцы расплачивались с издателями векселями («lettres de change» или,

1. Ин-октаво или октаво — книжный формат в одну восьмую долю типографского листа; наряду с ин-дуодецимо или дуодецимо (одна двенадцатая доля листа) является наиболее распространенным, особенно для пиратских изданий. Ин-кватро или кватро (одна четвертая листа), как правило, использовался для изданий более высокого полиграфического качества, а потому более дорогих. (*Прим. пер.*)

менее формально, «effets»), срок выплат по которым подходил не сразу, а в указанную на них дату. Тем не менее их можно было в любой срок перепродать, но с большим дисконтом, крайне невыгодным для держателя векселя. Основная счетная единица, о которой следует помнить, следя за финансовыми транзакциями книготорговцев, — это ливр, который в общем и целом был равен дневному заработку большинства городских разнорабочих.